

Труд, — 1997. — 28 стр. — 56

Николай СКАТОВ:

НЕЛЬЗЯ ВЫЗДОРОВЕТЬ, НЕ ЗАБОЛЕВ

Имя этого литературоведа хорошо известно любителям русской поэзии. Тираж его книг, посвященных русской классической литературе, давно превысил миллион. Доктор филологических наук, профессор Николай Скотов — главный редактор новейших академических собраний сочинений А.С.Пушкина, Н.А.Некрасова, Н.С.Гумилева. Он возглавляет в Санкт-Петербурге Институт русской литературы, знаменитый Пушкинский дом и журнал «Русская литература», который выписывают зарубежные русисты из всех университетов мира.

— Кого из русских писателей вы, Николай Николаевич, считаете ключевой фигурой для понимания России?

— Одной такой фигуры, я убежден, нет. Россия, русский дух многообразны. Толстой помогает понять одну сторону русской души, Достоевский — другую. Сегодня чрезвычайно показательной фигурой стал Некрасов с его формулой: «Ты и обогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь!». Пушкин — во многом полная противоположность Некрасову. Пушкин — это золотое сечение, воплощение гармонии, при этом он ничуть не менее русский, чем Некрасов... Русский человек противоречив: рядом с постоянной нацеленностью на добро и справедливость в нем часто и легко уживается нечто совсем иное. А тяга к рефлексии, переходящая в бесплодное самокопание? Нам часто не хватает трезвого отношения к себе.

— Кого из писателей прошлого и какие книги вы считаете несправедливо недооцененными и незамеченными сегодняшними читателями?

— Сейчас русская литература подвергается известной обструкции. А она, по выражению Горького, это лучшее, что создано нами как нацией. Наша главная задача — не позволить предать ее забвению. В известный период по идеологическим соображениям замалчивалось немало ценного — например, религиозное начало русской литературы. Не переиздавалась антиингилистическая литература — тот же П.Крестовский, Н.Лесков. Сейчас у нас издается все. И это, конечно, большой плюс. Никогда еще русская литература не представляла перед читателями в таком многообразии.

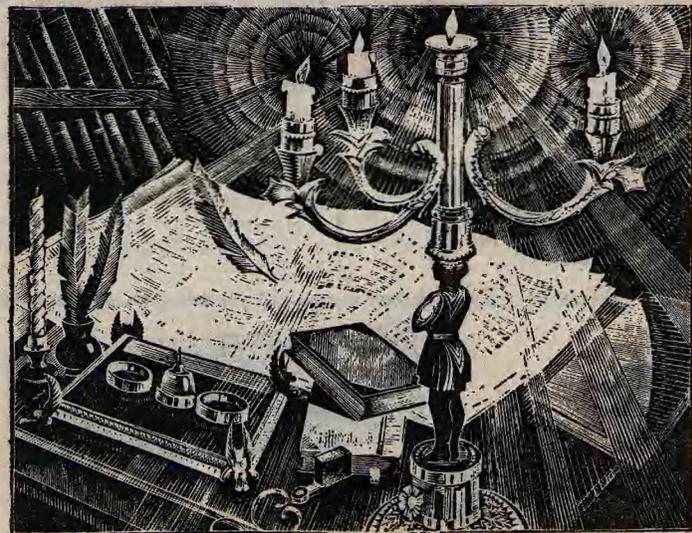
И вот парадокс: в тот момент, когда читатель получил доступ ко всей русской литературе, она стала подвергаться забвению и нападкам, позволяющим говорить о кампании против нее, которую ведут, к слову говоря, как «демократы», так и «патриоты». В «Литературной газете», например, публиковались записки Ю.Нагибина, в которых он говорит о «глупейшем открытом письме» Белинского к Гоголю. О «глупейшем» (!), хотя, как известно, оно потрясло самого Гоголя, а только за одно чтение открытого письма Достоевский угодил на каторгу. Или на страницах «Советской России» с похвалами цитируют якобы некрасовскую оду Муравьеву. Но уже полвека назад установлено, что она написана сотрудником администрации Муравьева, а не Некрасовым. Словом, мы теряем ответственность за то лучшее, что создано Россией в интеллектуальном, духовном смысле.

— Сейчас вы работаете над книгой о Пушкине для популярной серии «Жизнь замечательных людей». Какой период из жизни поэта вам лично особенно близок?

— Наиболее интересен Пушкин в пору зрелой мудрости 30-х годов. Чрезвычайно волнует меня тема «Поэт и Николай I». Видно, Пушкин имел большое влияние на царя. Хотя, конечно, от-

ношения у них были сложными, но явно многое во взглядах Пушкина Николай ценил. Зрелый Пушкин боялся революции, предвидя страшные жертвы. Его «История Пугачева» и «Капитанская дочка» — это предупреждение о том, каким страшным может быть русский бунт, «бессмысленный и беспощадный». Николай это понимал. По целому ряду позиций их точки зрения совпадали. Пушкин многого не одобрял в деятельности царя, но за многое был ему благодарен: скажем, Николай не упек его на рудники за «Гавриилиаду». Если бы был жив Александр I, то поэт, думаю, «загрел» бы за нее в Сибирь.

Пушкинская семья — это замечательная, счастливая семья. Поэт недаром связывал образ Натальи Николаевны с образом Мадонны. Ведь Мадонна — это мать. Наталья Гончарова действительно оказалась чудесной матерью. Вся ее жизнь и при Пушкине, и без него посвящена детям, а их было се-

меро. И каких прекрасных детей она вырастила! Так что Пушкин провидел ее настоящую роль, ее призвание.

— Какие новые факты, подходы, оценки найдет читатель в вашей будущей книге о Пушкине?

— Я, например, убежден, что знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» не связано с Анной Керн, а подсказано поэту образом Сикстинской мадонны, описанным В.Жуковским в его очерке «Сикстинская мадонна», который Пушкин знал до встречи с Анной Петровной. Вот где следует искать истоки одного из самых высоких образов в русской литературе. Хотя то, что Керн на какой-то момент оказалась рядом, имело значение...

— Ваша книга о Некрасове, тоже вышедшая в серии «ЖЗЛ» в 1995 году, вызвала много хороших отзывов, а книга о Кольцове (в той же серии) переиздавалась дважды. Известно, в свое время в «ЖЗЛ» уже выходили книги и о Некрасове, и о Пушкине, написанные другими авторами. Вас и редакцию что-то не устраивало в прежних изданиях?

— Я никогда не писал от противного, в пику кому-нибудь. Когда я писал о Кольцове и о Некра-

ДИРЕКТОР ПУШКИНСКОГО ДОМА — О СУДЬБАХ РУССКОЙ КЛАССИКИ

сове, я каждый раз пытался создать образ писателя таким, каким он мне открылся на основе изучения текстов и документов. Для этой серии, думаю, нельзя писать академическую монографию или, напротив, беллетризованный роман. Да, отзывы о книгах были хорошие. Это дает мне право надеяться, что я справился с задачей. Хотелось бы, чтобы это получилось и в книге о Пушкине, где беллетризация особенно неуместна. Возможно, с этим связана неудача книги о Пушкине даже такого выдающегося литератора, как Юрий Тынянов.

— Как вы оцениваете отношение Пушкина к православию, христианству в целом? По этому поводу появился ряд специальных публикаций...

— Поскольку, как точно заметил Аполлон Григорьев, «Пушкин — это наше все», на него сейчас все и «вешают». Наши собственные увлечения, общественные и личные переживания мы переносим на Пушкина. Сейчас в ходу эротическая литература, порнография в разных видах. И уже появилась очередная подделка, автор которой якобы Пушкин. Сегодня Россия переживает религиозное возрождение. Да, поздний Пушкин — человек безусловно религиозный, это вполне подтверждается и стихами. Но из него хотят сделать чуть ли не ортодоксального религиозного мыслителя. Убежден: Евангелие

чужого образа жизни. Нам нужно раскрыть возможности нашего языка, не разрушать, а строить, охранять и беречь, развивая, поощряя его контакты с другими языками. Вот проза Гоголя — яркий пример того, как украинская языковая стихия обогатила русскую словесность.

Сознательная изоляция от русского языка и культуры, на которую обрекают себя некоторые страны из ближнего зарубежья, путь запретительства могут привести к тяжким последствиям, испытаниям. Русский язык и русская литература — наше главное мирное оружие в мире. Надо сделать все, чтобы поддержать так называемые русскоязычные издания, радио, телевидение на русском языке как в СНГ, так и за рубежом. Американцы издают учебники на русском языке, а мы пытаемся на этом экономить.

— Как вы относитесь к волне переименований, обрушившейся на Россию?

— Мы и здесь удержу не знаем. Это наша национальная особенность. Раззудись, плечо, размахнись, рука, — по кольцовской формуле. Вопрос о переименованиях должны решать квалифицированные, культурные люди, филологи, историки. Жаль, что переименования ударили по деятелям культуры: в Петербурге улицу Гоголя переименовали в Малую Морскую, но ведь она была названа именем писателя до революции. Пушкинскую площадь называли Биржевой... Нужна во всем мудрая сбалансированность, которой нам традиционно не хватает.

— Пушкинский дом — это не только академический научно-исследовательский институт, но и музей. Что вы можете сказать о состоянии музейного дела в стране?

— Я не специалист-музеевед, мне трудно об этом говорить. Сейчас огромное количество новых центров, фондов, музеев. И все требуют денег, уверен, не всегда по делу. И все же самое важное сегодня — не обрушить столпы культуры. У Пушкинского дома — десятки тысяч экспонатов. Он открыт для экскурсий, заново отремонтирован. Нам помогают городские власти, руководство Академии. Фонды Пушкинского дома пополняются, хотя сейчас не выделяются целевые деньги, но иногда появляются спонсоры. Впервые за последние 8 лет для нас приобретена большая частная литературная коллекция, связанная с серебряным веком, — рукописи, книги Гумилева, Ахматовой...

Высшее руководство страны откликнулось на наши просьбы о помощи. Мне хочется видеть в этом символический знак — поворот внимания именно к культуре, а не к тому, что часто за нее выдается.

**Беседу вела
Лола ЗВОНАРЕВА.
Гравюра Валентина
ВАСИЛЬЕВА.**